

ПОЛИНА ПОТАПОВА

ЧЕМ ДАЛЬШЕ
НОЧЬ...

СТИХИ
и верлибры

ПОЛИНА ПОТАПОВА

ЧЕМ ДАЛЬШЕ НОЧЬ...

СТИХИ
и верлибры

2004

ББК 84(2Рос=2Рус)64-2

Полина Потапова Чем дальше ночь... Стихи и верлибры. — Челябинск.: ИД Олега Сеницына, 2004 — 72 с.

Полина Потапова (1978) — автор поэтического сборника «Обратная сторона луны» (2002), публиковалась в литературных журналах «Урал» (Екатер.), «Уральский следопыт» (Екатер.), «Уральская новь» (Чел.), в Антологии «Современная Уральская поэзия (1997–2003 г.г.)».

ISBN 5-87039050-X

© П. Потапова, тексты, дизайн
© Е. Потапов, художественное
оформление, фото

*все точные и точные
неуловимые
все дальние и дальние
непоправимые
все близкие и близкие
необратимые*

оголенные корни

* * *

Как истончают больно
ритма волны
стенки сосудов слова
в клетке текста —

так оголяют корни
стрелы молний,
так разрывает сердце
крик младенца.

оголенные корни

Заштопаны шторы, заклеены окна,
записана осень на видеопленку,
клеенка протерта до дыр, и волокна
похожи на тонкие жилки ребенка;

похоже, зима, но замазаны щели,
завязаны ветры в узлы к переезду
на новое место, на прошлой неделе
оплачено три равноценных триместра,

назначена дата: сезон межосенья,
а может, межосенья или межзимья,
скорее всего — рождество, воскресенье:
рождение заново невыносимо

в осенней грязи, и поэтому снежно
должно быть за окнами в пику простуде,
и будет обидно и стыдно, конечно,
что нежного белого в доме не будет:

закрыты, забиты, залеплены дыры
от мягкого снега, и наглухо, напрочь
захлопнуты двери и окна квартиры,
и сирю, и серо в ней утром, и на ночь

зачитаны сказки, застираны тряпки,
пеленки и чепчики сложены стопкой,
и кнопка звонка чей-то лапкой в перчатке
нажата и взорвана ядерной кнопкой,

и пусто от взрыва, и тихо от звона,
и сорваны шторы, и выбиты стекла,

и блеклая, бледная сухость сезона
от снега, который растаял, промокла...

Зашорены мысли, зашторены чувства...
За что? Не за то ли, что свят и порочен?
За то, что так тесно тебе и так пусто?
За то, что ты маленький? Маленький.
Очень.

21 октября 2002 г. *

* — стихотворение написано в ночь перед
неожиданным рождением моей дочери.

Всю ночь просижу у заснеженного окна,
решая мысленно
немыслимую задачу

(я не хочу, чтоб маленькая она
видела, как я плачу)

Я с математикой, увы, на Вы —
мне ни за что не сосчитать,
сколько будет:
безвыходных выходных
пелена синевы
умножить на серость
неубывающих будней.

Остается только догадываться,
и я остаюсь
при своем нелогичном
и аритмичном мнении:
желание жить и радоваться
минус грусть
от нежелания
скорого избавления
равняется ровным
животно-растительным снам
и дням, полным радости:
надо же — памперс на сдачу!

(я не хочу, чтоб маленькая она
слышала, как я плачу)

И я перестану ночами задачи решать,

я выучу днем математику и забуду...
Так сколько же будет?
Стоило ли рожать?
И буду ли я счастливой?
Конечно, буду!

Все будет у нас хорошо,
и будет весна,
и все как у всех, и еще,
и вряд ли иначе...

(я не могу дальше писать — она
плачет)

оголенные корни

Говорят, что маленькие
 видят большое,
 говорят, что маленькие
 говорят
 с ангелами
 и устремляют взгляд
 не куда попало и невпопад,
 а прямо в душу
 и ну с душою
 в кто-кого-пересмотрит играть:
 смотрят,
 смотрят,
 смотрят,
 и вдруг —
 вздрагивают ручками —
 берут на испуг —
 а сердечко при этом:
 тук-тук-тук-тук.,
 и душа, испугавшись,
 начинает моргать.

Говорят, что маленькие
 всегда выигрывают,
 говорят, что маленькие
 очень хитрые
 и по большому счету
 душой кривят,
 когда свой прямой
 устремляют взгляд

в кривое зеркало души
 малодушных больших.

Да мало ли чего говорят!
 Много чего говорят,
 да мало о чем говорят

слова больших
 о маленьких.

оголенные корни

Во-первых, могло бы не быть
 моего дня рождения —
 дня рожденья меня и меня
 могло бы не быть,
 если бы мои родители
 приняли решение
 меня не родить или —
 то есть — меня убить.

Во-вторых, могло бы не быть или
 быть не могло моей дочери
 два лунных цикла спустя
 после рожденья меня,
 если бы мои родители
 в день рождения моей дочери
 два лунных цикла назад
 решили убить меня.

В-третьих, третьего не дано
 было бы,
 но третье дано,
 третье должно быть дано,
 ведь я не убила ее,
 а если убила бы,
 меня бы давно уже не было.

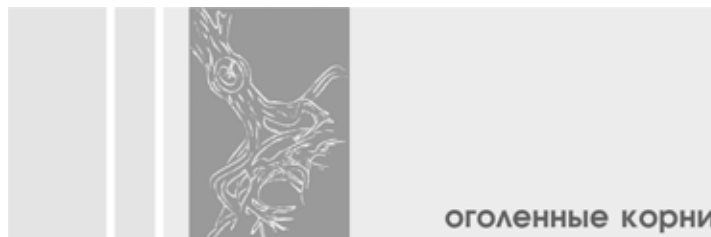
Очень давно.

Плачет, рыдает, кричит она
 Вот уж которые сутки...
 Ну до чего же мучительно
 Режутся первые зубки!

Листья с деревьев срываются
 Вот уж которую осень...
 Выросла — все забывается,
 Вылезли все двадцать восемь.

Девочка, доченька, милая!
 Боль эта мне не по силам:
 Помнишь ли, не докормила я?
 Видишь ли — не доносила.

Чувства зазубренным лезвием
 Труп мой бесчувственный вскрыли...
 Ну до чего же болезненно
 Режутся первые крылья!

оголенные корни

Когда меня кормили
 молочком из бутылочки,
 * * *
 мой интеллект
 становился искусственным,
 но зато мое сердце
 училось искусству
 любить
 мир во всех проявлениях,
 любить
 искусственное вскармливание,
 несмотря на то что
 это — карма,
 несмотря на то что
 и свою дочь
 я буду кормить
 молочком из бутылочки.

Когда меня стали
 кормить из ложечки
 всякой,
 но особенно манной кашкой,
 я уже начинала
 кое-что понимать,
 например то,
 что каша бывает манной,
 а манна непременно
 бывает небесной,
 но почему-то не бывает
 небесной каши,
 или просто мама
 не умеет ее готовить.

Когда меня перестали кормить,
 я сама научилась есть,
 я научилась искусству ценить
 все, что есть,
 пока оно есть,
 я поняла,
 что, когда меня не станет,
 мир ни на йоту
 меньше не станет —
 он станет меньше
 на целый йот,
 потому что, когда мое я умрет,
 от я останется а,
 и у алфавита будет начало,
 но не будет конца:

я поняла,
 что никогда и я не стану
 кормить свою доченьку
 небесной кашкой,
 и никогда из кровотокащей
 сердечной раны
 не польется теплое
 грудное молоко.

Сынка зачав по камасутре,
спит папочка в уютной матке,
он мальчиком проснется утром
в своей кровати.

А девочкой проснется мама,
а веточкой качнется липа,
а стрелочка качнется вправо,
а влево — рыба.

Но первую родится доча,
а с вербою родится сына,
и левое забьется очень,
и очень сильно.

А папочка проснется вместо...
а мамочка — не что иное...
а лялечке тепло и тесно
во сне весною.

Распустятся на липах почки,
и улицы запахнут липой,
и влюбится в папашку дочка,
а мать — в Эдипа.

А мамочка проснется с сыной,
а сыночка проснется с мамой,
а липочка запахнет псиной,
а каша — манной.

Дочь вырастет, и очень скоро,
Снег выпадет, и ляжет ровно,

И выживет под снегом город
Прохладнокровный.

А в городе темно, как в рыбе,
А в городе тепло, как в рыбе,
А в городе сплошные рыбы,
Сплошные липы.

И спипнутся, как карпыкрабы,
И стерпятся беда с бредою,
И слюбятся абракадабра
С белибердою.

А липа обернется вербой,
А рыба развернется вправо,
А стрелка не вернется влево.
И слава богу!

оголенные корни

Чем дальше ночь,
 тем счастье невозможней,
 и проще
 обернуться светлячком,
 ведь капает святое молочко
 с коровки божьей,
 и темную дорогу освещает,
 и всем желает
 млечного пути,
 вот только кто бы знал,
 куда идти, —
 никто не знает;
 и никуда от этого не деться,
 и не туда уведит светлячок,
 но пахнет карамелькой
 родничок
 головки детской,
 и яблочко-улыбка,
 как на блюде,
 покатится на запах,
 как на свет,
 туда, куда нам путь
 и где нас нет,
 но где мы будем;
 и мы пойдём,
 касаясь звездной пыли,
 на светлячки
 рассыплется звезда,
 чтоб мы забыли раз и навсегда,
 что все там были.

Она еще молчит —
 ей нечего сказать:
 всю нежность и любовь
 не передать словами,
 всем существом своим
 она прижмется к маме,
 стараясь свои чувства показать.

И мама все поймет,
 конечно, все поймет
 по долгой глубине
 пронзительного взгляда,
 и мама не уйдет,
 и мама будет рядом,
 и дочь еще сильнее к себе прижмет.

И мама промолчит —
 о чем тут говорить! —
 тревогу, боль и страх
 не высказать словами,
 и улыбнется ей
 дрожащими губами,
 пытаясь все не сказанное скрыть.

жизнь на ладошке поместится
горсткой очищенных семечек
долькой усохшего месяца
(семь с половиной без месячных)

талой снежинкой
непрощенной
робкой слезинкой
нежданною

(Сами вы все недоношенные!
Главное — очень желанная!)

небом с овчинку
и облачком
мальчиком-с-пальчик
и девочкой

(Детские книжки — по полочкам.
Зимняя вишня — в тарелочке.)

скомканной мятой запискою
черновиком завещания
(Вам — мое самое близкое.
Вам. От меня. На прощание.)

не более
чем
боль

* * *

по кромке льда
по лезвию ножа
по проводам
дрожа
едва дыша
по тонкой нити
по карнизу
выше
по краю крыши
каждой клеткой
слыша
как небо дышит
с небом
по пути
по млечному
по белому
по снегу
уйти
по встречной
полосе
по небу
от всех
по жизни
по ошибке
по
любви — слепой
нехоженой
тропой

* * *

покуда капает вода
на провода
покуда ты не скажешь да
мне никогда
покуда некуда тогда
когда не тянет никуда
из ниоткуда в никуда
туда—сюда

пока спешешь не по годам
по городам
пока молчишь
не по слогам
но по складам
пока ты весь
то здесь то там
пока ты есть
пока ты сам
читаешь мысли по слезам
как по следам

я отыщу тебя во сне
на самом дне
там где мурашки по спине
и ты во мне
я стану птицей в вышине
самоубийцей при луне
строкой бегущей по волне
туда где не

* * *

Какая долгая игра...
Какая тонкая игла...

И нить в любовь мою длиной
Скользит по линии строчной,

Чтоб жизнь на строчку удлинить,
Но от натяжки рвется нить,

И не спасут ее узлы —
Им не пройти в ушко иглы:

Такая тонкая игла
(а жизнь — прошла).

не более чем боль

Все это случилось со мной,
 ты теперь не со мной,
 ты с кем-то, а может один,
 снова пьешь и тоскуешь,
 а может быть, пишешь,
 а может, как прежде, рисуешь,
 какая мне разница —
 главное, что не со мной
 ты пьешь черный кофе
 три кубика сахара и —
 неполная кружка,
 чтоб палец примерно до края,
 я все сохранила,
 а лучше бы похоронить,
 поскольку хоронят всегда,
 если кто умирает,
 но ты, слава богу, не умер —
 ты жив и здоров,
 я слышу почти каждый день,
 как скрипят половицы,
 я каждую фразу твою
 повторила б дослов-
 но каждая фраза твоя
 больше НЕ
 повторится.

я невидимая соринка
 на линолеуме твоём
 очень маленькая пылинка
 очень легкая на подъем

я весома точно гиря
 я соринка в чужом глазу
 я раздута до аллергии
 я пылинка в твоём носу

большая
 маленькая

пылинка

не более чем боль

Цвета переспелой,
невостробованной вишни,
и с ее же привкусом —
кислым, забродившим,
и с душком навязчивой
вчерашности
и прошлости —
в плоскости неплотской
платонической
непошлости;

для варенья — вялая,
для вина — прогорклая,
неприлично дряблая
и бесконечно долгая;

тоскливая, загробная,
усохшая и тощая,
бесформенно амебная
и мягкая на ощупь;

сама в себе истлевшая,
сама собой горячая,
не только онемевшая —
оглохшая, незрячая,
заблудшая, уставшая,
отжившая в крови —

моя любовь, не знавшая
любви.

Я назад свою жизнь
пролистываю,
возвращаюсь в себя —
неистовую,
легкомысленную,
неправильную
и запретами
не затравленную.

Точно фильм, свою жизнь
проматываю,
в каждом кадре любовь
угадываю,
то случайную,
то нечаянную,
возвращаюсь в себя —
отчаянную.

Я вхожу в свою жизнь
заброшенную —
неприкаянная,
непрощеная,
вся расхристанная,
растоптанная.

Я вернулась.
Встречайте.
Вот она я!

Ожиданье на перроне:
ровно в восемь — поезд в осень,
ни словечка не оброним,
ни прощенья не попросим,

все давно уже сказали,
а мечтали — целоваться,
на заброшенном вокзале
объявляют «восемь двадцать»,

никуда мы не уедем —
занят запад, даже ближний,
на планете где-то в среднем
каждый третий — «третий-лишний»,

где-то в Чехии, допустим, —
оптимист на оптимисте,
но в сезон тотальной грусти
даже там желтеют листья.

Восемь сорок — вот и поезд
в неизведанные дали,
поиск счастья — вечный поиск,
потому что опоздали,

и уносит долгий скорый
сквозь любовь, напропалую
наши переразговоры,
наши недопоцелуи,

и стучат в груди колеса
разъяренным валидолом,

и ответы на вопросы
вновь в союзе однополом:

«Что стобой?» — «Могло быть хуже.»
«Я люблю тебя.» — «Не верю.»
Осень. В каждой третьей луже —
Оголенные деревья.

не более чем боль

Где-то сзади — там, где лопатки —
горячо, еще холодней,
где-то спереди — там, где схватки —
на два пальца еще больней,
и вдвойне еще нелюбимей,
как во сне — всухую, без слез —
погруженье в медленно-синий
бесконечно вещей наркоз;
хоть башкою бейся об стену,
хоть волчицей вой, хоть реви —
будет боль впадающим в вену
продолжением нелюбви;
сердца нет — одна поясница,
но смертелен выстрел любой:
я умру быстрее, чем родится
переношенная любовь.

Какая там любовь!
Какие облака! —
Не более чем боль,
Не тоньше, чем тоска,

Не дольше, чем дожди,
Из глаз твоих прольет,
Ты к ней не подходи —
Она тебя убьет

И притчею у всех
Застынет на устах,
Как первородный грех,
Как первобытный страх,

Как обнаженный стыд,
Но рядом — никого,
И ангел смерти спит,
Ты не буди его.

В сознание пришла не сразу я
от обморока глубокого...

во что-то небесноглазое
чего-то голубоокого
упала —
и сил нет выбраться,
летаю —
не приземляется,
не знаю,
во что все выльется —
сознание мое теряется,

мне б на ноги встать
и выстоять —
паденье все силы
выжало,
увиджу, что рядом —
Вы опять,
и выживу, но —
не выжила,

вся жизнь моя,
без остатка — Вам,
прощайте и Вы,
спасибо Вам

за миг умиранья сладкого
от счастья невыносимого.

Хлещет осень по щекам
Проливным дождем,
Мы вдвоем, к руке рука,
В нелюбовь идем,

Потускневшие глаза,
Скорбный, мрачный вид,
Шаг вперед и два назад —
Ближе к нелюбви,

Мы идем плечо к плечу,
Рядом, наравне
В не могу и не хочу,
В не было и нет.

Льешь ли мимо эту боль,
Сглатываешь ли —
Все едино. Бог с тобой.
Кажется, пришли.

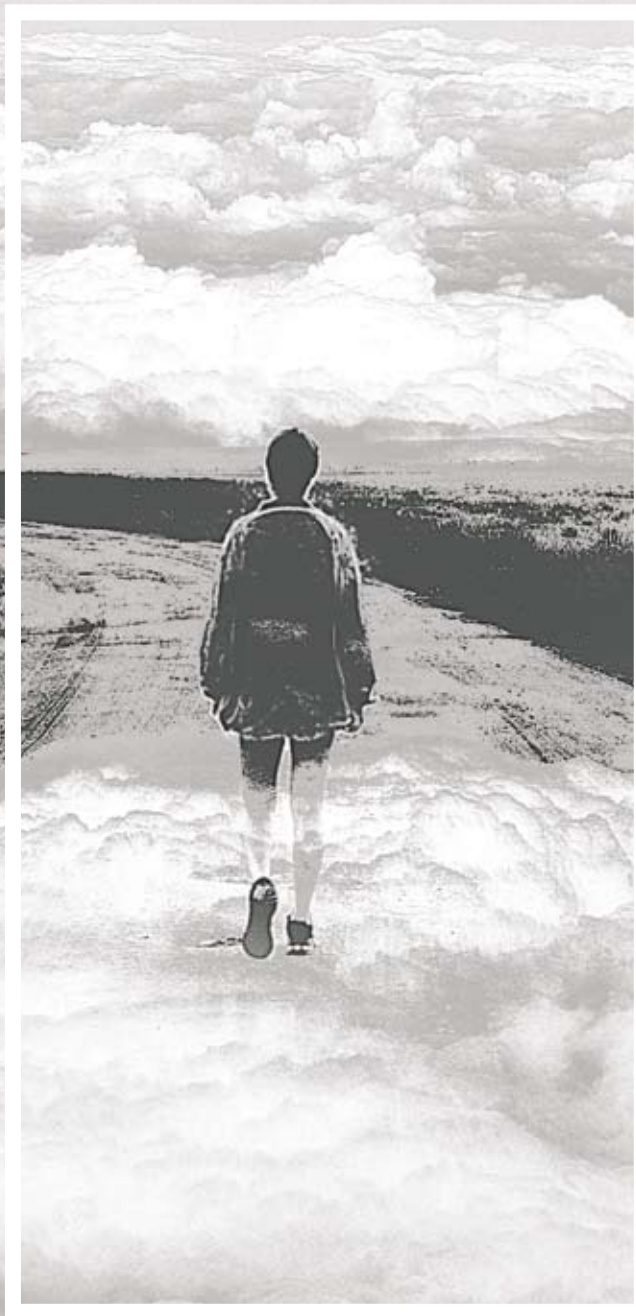
не более чем боль

...приплыли. Продолжаем дальше плыть,
не воду лить, но собственную влагу
на страсть опаленную бумагу,
чтоб собственную жажду утолить,
что, собственно, уже не блажь, но благо —
блаженство влагу, словно воду, лить,

но мы не вопреки — благодаря
тебе и мне — друг другу — не блаженны,
поскольку абсолютно совершенно
несчастливы, и совершенно зря
мы завершаем плавное движение
по рекам, не впадающим в моря,

не выходя за рамки—берега
твоей—моей бескрайней паутины,
она по умолчанию невинна,
хотя до неприличия нага,
но рамками приличий, словно тинной,
мы заросли на долгие века,

и безнадежной вечности пыльца
на рыльце смерти — в яблочко — попала,
а я его слезами поливала,
чтоб доростало рыльце до лица,
и как легко теперь начать с начала
путь, пройденный с конца.

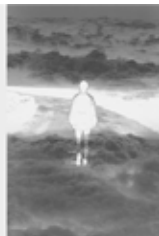
ЖИЗНЬ, которая...

* * *

А жизнь идет вразрез, трещит по швам
Необратимо, невосстановимо,
И молодость не то чтобы прошла —
Проходит мимо.

И с ней тебе уже не по пути,
И ты идешь одна, ни с кем не в ногу,
Но лучшее — не то, что позади,
А то, что сбоку.

Словесная игра не так важна —
Чем больше слов, тем истина дороже,
И музыка не то чтоб не слышна,
Она — под кожей.

жизнь, которая ...

Пустота заполняется
вздохами,
сгоряча на свету
обнаженными,
расстаются свекрови
со снохами,
а мужа, соответственно,
с женами,

нарушает себя
мыслеформами
тишина,
пустословно звенящая,
и в неравной борьбе
с телефонами
вымирают
почтовые ящики,

беспросветная ночь
удлинняется,
замедляются
телодвижения,
и зима
в октябре начинается,
возбуждаясь
на деторождение,

переводятся
тонкие стрелочки,
вместо солнечных —
лунные зайчики,

подрастают
любимые девочки,
вытесняют их
милые мальчики,

стены кухни
хранят откровения,
свет в окошке
надеждою теплится,
и дрожат на ресницах
мгновения,
и, конечно,
все к лучшему.
Стерпится.

жизнь, которая ...

Но все прошло: и дожди, и годы,
срок проживания в квартире съемной
и жажда полной пустой свободы,
так неоправданно вознесенной;

прошли запои, хандра, ангина,
квартира медленно опустела,
в углу повесилась паутина,
а там когда-то пальто висело;

ушла жена — у нее подруга,
гуляет кошка в пустой квартире
и тщетно ищет свой пятый угол,
а их — ну хоть заищись! — четыре;

прошли обиды, желанья, зимы,
в пустой квартире гуляет ветер,
и пятый угол, всегда незримый,
сегодня вдруг нарочито светел.

(*) — эти тексты представлены в несколько ином виде
в Антологии «Современная Уральская поэзия (1997–2003)»
под редакцией В. Кальпиди

Мы поторопились хлопнуть дверью
И стихи кремировали зря,
Мы погорячились не поверить —
Рукописи все-таки горят,

Мы так очевидно поспешили
Сжечь мосты, устав рубить концы,
Мы так мало — остро так пожили,
Не следы оставив, а рубцы,

Мы так часто надрывали гланды,
Громко провоцировали смерть —
Не успели прокричать о главном,
Не успели главное пропеть,

Не успели, приходя в сознание,
Боевые раны зализать,
А над нами — лунное сиянье,
А под ним — так холодно лежать,

Остудили пыл лучи седые —
Никуда не хочется спешить...

Мы еще такие молодые!
Нам еще бы жить, и жить, и жить...

Лицом к шприцу лица не увидеть —
 Большое видится. Но расстоянье
 от кончика иглы
 до Центра Мироздания
 большим не назовешь —
 рукой подать,
 как до Москвы кабацкой: в кабаке
 в вине не тонут гибельные строчки,
 а без вина — вина
 по венам многоточием:
 татуировка смерти на руке.

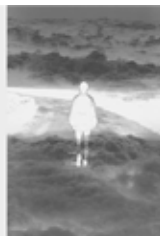
жизнь, которая...

Белы рученьки
 в земле испачкали:
 белых роз
 для венчика насажали.
 А кого мы ждем —
 не мальчика ли?
 Отрожали —
 уже провожаем.
 Искололись мы
 в шипах венчика —
 нету мальчика,
 нету боженьки:
 белы рученьки —
 в синих веночках,
 в синих веночках
 белы ноженьки,
 белоручки в крови
 зря испачкали,
 белых роз насажали
 напрасно мы,
 и текут в нас
 кровавые мальчики
 млечным соком
 из мака красного.

жизнь огоньком тлеющим
 еле теплится
 в тускло бледнеющем
 розово-белом тельце
 и выгорает
 в дымчато-серый цвет
 и оседает
 дымом сигарет
 на сердце
 и оседает
 пеплом сигарет
 в пепельницу
 и вылетает
 дымом в трубу
 и стелется
 дымом по розовому
 как у младенца тельцу
 и как у мертвеца
 землистому
 пепельному лицу
 и угасает

стать бы маленькой
 незаметною
 чтоб никем-никем
 не замечиться
 самой крохотной
 крошкой хлебною
 затеряться
 в трещинке
 хлебницы

жизнь, которая ...

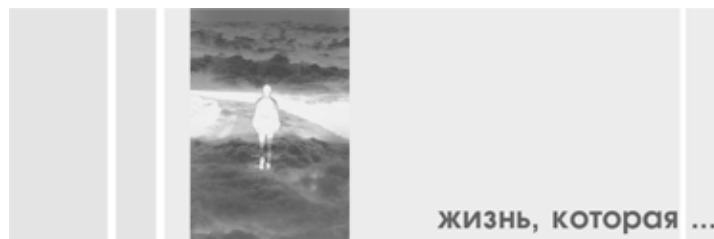
Не откладывай жизнь
на завтра, которое
уже сегодня,
уже сейчас,
и год, который день,
и день, который час,
и встречу,
которая скорая.

Не откладывай
в долгий ящик ящерицу,
которой дано
утекать сквозь пальцы,
в которых на солнце
играть останется
хвост
и сыграет
в долгий ящик.

Не откладывай деньги
на черный день,
которого, как денег,
не бывает много,
который один,
но которого МНОГО,
который неизбежен,
как деньги.

Не откладывай в памяти,
в которой сотрется
запись,

которую время сотрет,
песню
Женщины,
Которая
Поет,
смех
Человека,
Который
Смеется.

жизнь, которая ...

Перебегаю жизнь на красный свет,
с разгону в лоб врезаются морщины,
и нет для смерти ни одной причины,
и повода для жизни тоже нет.

И вот я вдоль обочины иду,
любовь и счастье правой голосую,
а в левой боль и ненависть несу я,
роняя и теряя на ходу.

Мой черный хвост увидев за спиной,
любовь и счастье мимо проезжают
и задниками путь мне освещают,
и снова красный свет передо мной.

Кажется, срок подходит мой,
движется время вспять
неспешно:

близится
семьдесят восьмой
(тысяча девятьсот, конечно)

жизнь, которая ...

бес-
поворотно
плотно
сжато
воздух
дня
спрессован
в минуты
густо
пахнет
жженым
будто

жизнь молоком убежала

воздух
со всех
краев
обгладывая
жизнь
по одной
минуте
откусывая
чувствуешь
горький
жженный
вкус ее

но молча проглатываешь

так как
слово

было
в начале
жизни
но жизнь
по минутам
съедена
осталась
только
одна
последняя

минута молчания

жизнь, которая ...

все стоит
на своих местах
все расставлено
все поставлено
точки над і
рояль в кустах
крест на себе
и гвозди в ставни
вбиты
убита
последняя моль
метким ударом
голода
скрадена боль
рассыпана соль —
два очевидных
повода
для расставания
с этой темой
знаками—
самоубийцами
что это было
кто мы
и где мы —

за рамками
композиции

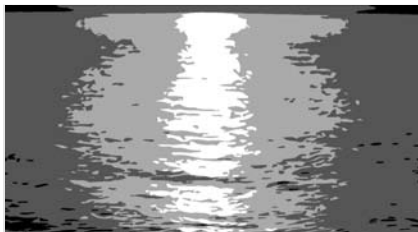
Приложение...

**Венок
верлибров**

Глупые люди учат пессимистов
быть оптимистами
воспринимать мир с радостью
пребывать в хорошем настроении
мыслить жизнеутверждающе
глупые люди не понимают
на то они и глупые
что пессимистами рождаются
а не становятся
попробовали бы они заставить
черного родиться белым
талантливого — бездарным
карлика — великаном
попробовали бы они
и ничего бы у них не вышло
ведь не научили же они себя
быть умными

быть умными
 животными
 например собаками
 или лошадьми
 лучше
 чем глупыми людьми
 например
 пример неудачный
 не будем брать пример

Не будем брать пример
 с кузнечиков
 они еще зеленые
 трава все равно
 станет землей
 молодость — старостью
 со скоростью
 прыжка кузнечика
 с травинки на землю
 и наоборот
 не будем уподобляться
 бабочкам
 они когда-то
 были гусеницами
 такими же зелеными
 они в начале
 были куколками
 мертвыми манекенами
 а когда обрели цвет
 стали биться в стекло

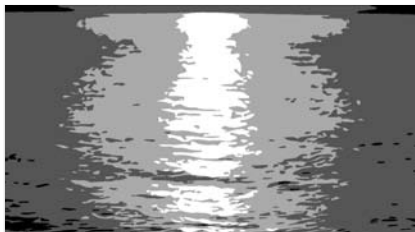
стали — биться в стекло
 дереву — стираться в порошок
 жизни — разноситься в пух и прах
 снегу — сваливаться на голову
 поэту — ломать голову
     руки и ноги
     копья и луки
 соскользнув со съехавшей крыши
 но зацепившись за слово
 слову — разбиваться вдребезги
 падая с последнего этажа
 многоэтажного верлибра

многоэтажного верлибра
 могло бы хватить
 на десять заповедей
 на девять месяцев
 на восемь частей
 на семь чудес света
 на шесть чувств
 на пять баллов
 на четыре океана
 на три тополя
 на два берега
 но его хватило
 всего на одну жизнь

всего на одну жизнь
 меньше станет мир
 всего на одну нить
 тоньше станет ткань
 всего на один звук
 короче станет слог
 но на целую тень
 длиннее станет ночь
 появившись на свет

появившись на свет
 ребенок кричит
 уа
 заблудившись
 во тьме старости
 хрипит
 ау
 произносит
 первое слово
 да
 делает первый шаг
 и попадает
 в последний круг
 не успев произнести
 последнее слово
 ад

ад
 либитум
 рождаются стихи
 от непорочного
 зачатия
 порочный круг
 замыкается
 венком из белых роз
 но так непрочно
 что в свободном полете
 разлетаются
 прозрачные лепестки
 слов

слов
 не хватает
 на предложение
 так как не хватает
 воздуха
 воздух распадается
 на мелкие частицы
 частицы являются
 частями речи
 но не могут быть
 членами предложения
 даже
 второстепенными

второстепенными
 заповедями
 не научишь главному
 повторное упоминание
 о десяти заповедях
 в одном венке
 не дурной тон
 а необходимость
 оправданная замыслом
 повторение
 десяти заповедей
 занудно
 как любое повторение
 поэтому верлибров
 не может быть
 больше чем десять
 этот верлибр последний
 потому что кто-то
 успел первым
 воплотить в жизнь
 свой великий замысел
 я даже знаю кто это
 я у него не первая
 научи меня не повторяться
 заткни мне рот
 пока я не спросила
 заткни свои уши
 потому что я спрашиваю

не по твоему ли великому замыслу
 глупые люди учат пессимистов?

Спасибо моей дочери Алене за то, что есть она у меня, и за то, что есть первая часть у книги.

Спасибо моему мужу Евгению за дочь Алenu, часть второй части и художественное оформление.

Спасибо моему верному другу, Потаповой Екатерине Андреевне, за мужа Евгения, вдохновение, стимул для творчества и жизни.

Спасибо моим замечательным родителям — Римме и Владимиру Черепко — за жизнь и творчество, за любовь и поддержку, за все хорошее.

Спаибо, мои любимые!
 Без вас не было бы ничего.

П. П.

ОГОЛЕННЫЕ КОРНИ ... 5 (6)

- «Как истончают больно...»... 7
 «Заштопаны шторы, заклеены окна»... 8
 «Всю ночь просижу у заснеженного окна...»... 10
 Говорят... 12
 «Во-первых, могло бы не быть...»... 14
 «Плачет, рыдает, кричит она...»... 15
 «Когда меня кормили...» ... 16
 Сон во время беременности ... 18
 «Чем дальше ночь...»... 20
 «Она еще молчит...»... 21
 «Жизнь на ладонке поместится...»... 22

НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ БОЛЬ ... 23 (24)

- «по кромке льда...»... 25
 «покуда капает вода...»... 26
 «Какая долгая игра...»... 27
 «Все это случилось со мной...»... 28
 «я невидимая соринка...»... 29
 «Цвета переспелой...»... 30
 «Я назад свою жизнь...»... 31
 «Ожиданье на перроне...»... 32
 «Где-то сзади — там, где лопатки...»... 34
 «Какая там любовь!»... 35
 «В сознание пришла не сразу я...»... 36
 «Хлещет осень по щекам...»... 37
 «...приплыли. Продолжаем дальше плыть...»... 38

ЖИЗНЬ, КОТОРАЯ... 39 (40)

- «А жизнь идет вразрез, трещит по швам...»... 41
 «Пустота заполняется...»... 42
 «Но все прошло: и дожди, и годы...»... 44
 «Мы поторопились хлопнуть дверь...»... 45
 «Лицом к шприцу лица не увидать...»... 46
 «Белы рученьки...»... 47
 «жизнь огоньком тлеющим...»... 48
 «стать бы маленькой...»... 49
 Жизнь, которая... 50
 «Перебегаю жизнь на красный свет...»... 51
 «кажется, срок подходит мой...»... 52
 «бес-поворотно...»... 53
 «все стоит...»... 56

Приложение... Венок верлибров ... 57 (58)

- «Глупые люди учат пессимистов...»... 59
 «быть умными...»... 60
 «не будем брать пример...»... 61
 «стали — биться в стекло...»... 62
 «многоэтажного верлибра...»... 63
 «всего на одну жизнь...»... 64
 «появившись на свет...»... 65
 «ад...»... 66
 «слов...»... 67
 «второстепенными...»... 68

От автора ... 69

Литературно-художественное издание

Потапова Полина Владимировна

Чем дальше ночь...

Подписано в печать 11.04.

Формат 84x108 ^{1/32}.

Печать офсетная

Тираж 300 экз. Заказ № 1138

Издательский дом Олега Сеницына

ООО «Работа плюс», Челябинск,

ул. Воровского, 26а,

тел.: 62-86-87;

тел/факс: 65-02-92, 60-76-75

Отпечатано с оригинал-макета,
предоставленного заказчиком

Челябинск, 2004

